

А.В. Насонова

ОПОРА НА ВНУТРЕНнюю ФОРМУ СЛОВА
ПРИ ИДЕНТИФИКАЦИИ ИНОЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИКИ

В работах современных психолингвистов активно обсуждается роль осознания внутренней формы слова родного и иностранного языков при восприятии, идентификации и хранении в памяти лексических единиц разных типов. Многие психолингвистические модели распознавания и идентификации слова предполагают, что морфология включена в лексические репрезентации слов, и целью многочисленных исследований процесса морфологической обработки полиморфемного слова в процессе его восприятия является определение этого участия [6].

Некоторые исследователи считают, что полиморфемные слова не отличаются от мономорфемных и доступ к ним осуществляется средствами одних и тех же механизмов. Предполагается, что пользователи обладают знанием морфологических правил, которые они стратегически используют в процессе идентификации полиморфемного слова. Сторонники противоположного подхода предполагают, что полиморфемные слова подвергаются декомпозиции на стадии, предшествующей лексическому доступу, и первоначально осуществляется доступ к базовой форме. Согласно этой гипотезе полиморфемные слова репрезентированы в лексиконе в виде морфем [6].

А.А. Залевская, обсуждая роль морфологического фактора в организации лексикона индивида, рассматривает морфему как психолингвистическую единицу, которая выступает как связующее звено между поверхностным уровнем форм и глубинным уровнем значений [1; 3].

Н.С. Шумова подробно рассматривает проблему идентификации новых слов и, основываясь на структурном и семантическом сходстве слов внутри одного или нескольких языков, вводит термины «внутриязыковые омологизмы» и «межъязыковые омологизмы». К омологизмам относятся четыре типа слов: дериваты, полисемантические слова, интернационализмы и слова общего происхождения в родственных языках [13; 15]. Если «омонимы», как правило, играют роль «ложных друзей» переводчика, то для омологизмов характерна роль «истинных друзей», стимулирующих поиск значения в правильном направлении [14]. Н.С. Шумова считает, что омологизмы способствуют формированию потенциального словаря билингва. Но степень графического, фонетического и семантического сходства слов бывает разной. В случаях, когда английские и русские корреляты полностью совпадают по своему морфемному составу, они легко идентифицируются (например, *football, instrument, humor, skepticism*). Часто идентификация зависит от степени владения системой словообразовательных средств иностранного языка (например, *banality, absurdity, gesture*) [13]. При несоответствии значений слов идентификация проблематична даже в прозрачном контексте (*intelligence – интеллигентность, tune – тон*). Опираясь на форму слова и контекст, билингв строит гипотезу о заключенном в ней значении. Дальнейший контекст в разной степени подтверждает или не поддерживает эту гипотезу. Н.С. Шумова полагает, что соотнесение слова второго иностранного языка с омологичным словом первого языка – одна из основных стратегий идентификации, к которой прибегает билингв по отношению к межъязыковым аналогам. Понятие «межъязыковой аналогии» формируется у билингва не сразу, а по мере приобретения опыта, который подсказывает,

что внешнее сходство не всегда свидетельствует о сходстве семантическом. На начальном этапе обучения иностранному языку билингв склонен думать, что сходство формы сигнализирует о сходстве содержания, игнорируя противоречащий этому предположению контекст [14].

Модели идентификации слов на материале неологизмов, принадлежащих к разным частям речи, носят универсальный характер, но количественное соотношение и степень актуальности той или иной модели для разных частей речи различны [9]. Результаты эксперимента на материале русских прилагательных [10] показывают, что мотивирующими элементами идентификации послужили различные компоненты слова, как значимые, к числу которых относятся основа стимула и аффиксы, так и простые цепочки графем и/или фонем, находящиеся в начале, в середине или в конце слова. Идентификация может быть обусловлена комбинацией двух и более мотивирующих элементов. Т.Ю. Сазонова предполагает, что при идентификации нового слова, не имеющего орфографической репрезентации в ментальном лексиконе, происходит ошибочный доступ к слову, орфографическая репрезентация которого наиболее близка к графическому образу визуального стимула. Например, на слово «незашоренный» появляются реакции *незасоренный*, *незашторенный*, имеющие набор сходных признаков со словом-стимулом. Актуальными моделями идентификации новых слов являются модель опознания мотивирующего слова и опознание словообразовательной модели стимула. Эти две модели находятся в тесной взаимосвязи, так как их реализация обеспечивается механизмом морфологического анализа слова [10].

С.И. Тогоева исследует проблемы развития нового слова как единицы внутреннего лексикона человека, предлагает свою классификацию стратегий идентификации незнакомых слов; в ее экспериментах также четко прослеживается группа ассоциативных реакций, являющихся продуктом идентификации слова по корневому элементу [11; 12].

Опора на внутреннюю форму может обеспечить запоминание и «присвоение» слова в условиях учебного билингвизма [8]. В русском и английском языках имеется некоторое количество интернациональных лексических единиц, образованных от одного корня, часто латинского происхождения.

Многие элементы латинского языка должны быть известны студентам до начала изучения латинского языка, так как в русском языке большое число слов латинского происхождения. Многие из этих слов можно считать неосмысленными носителями языка, об этом свидетельствуют распространенные ошибки в употреблении слов латинского происхождения (*прицендент*, *инцидент*, *для проформы*, **наиболее оптимальный**) [8].

По результатам эксперимента, проведенного с целью выявить особенности восприятия русскими студентами английских слов, содержащих латинские морфемы, Е.С. Летягина и В.В. Солдатов делают интересные выводы [7]. Идентификация значения незнакомого иноязычного слова во многом протекает так же, как и при встрече с неологизмом в родном языке. Носитель языка использует различные стратегии идентификации (мотивирующую, словообразовательную, категориальную, по сходству звукобуквенного комплекса). Такие же стратегии использовались испытуемыми при реакции на слова-стимулы иностранного языка. Четко прослеживается тенденция уяснить значение слова путем расчленения неизвестного слова на знакомые элементы, причем результаты анализа, проводимого человеком при встрече с новым словом, не всегда совпадают с теми словообразова-

тельными принципами, в соответствии с которыми слово возникло в языке. В данном эксперименте имеются примеры того, как испытуемые не узнают распространенные латинские приставки в составе новых слов (*subaqueous* – *собачий, собака*; *discommode* – *дискотека*) [7].

При восприятии незнакомого слова испытуемые часто ориентируются на сходные по звучанию или написанию слова родного языка. Ассоциации с русскими словами настолько сильны, что заставляют испытуемых игнорировать орфографические правила (*omniscient* – *омнистия*). Некоторые реакции на слово-стимул могут являться результатом взаимодействия различных стратегий. Иногда слова-стимулы воспринимались как аббревиатуры: *discomfiture* – *discomfortably + furniture* – *неудобно обставленный*. Часто ассоциация представляет конечный результат сложного процесса восприятия слова, в котором можно выделить несколько этапов.

Следует установить более тесные связи между курсами английского и латинского языков, так как студентов необходимо обучать видеть внутреннюю форму производного слова и извлекать его значение из значения морфем [8]. Если студент правильно осознает форму слов с латинскими морфемами, он делает меньше ошибок и в правописании.

Обращение к внутренней форме при включении нового слова в лексикон окрашивает эту деятельность приятными эмоциональными переживаниями. Переживания «открытия», придает слову параметр эмоциональности, делает более прочной ассоциативную связь слова с другими единицами лексикона. При анализе новых слов с точки зрения словообразования по-иному видятся и давно знакомые слова, усвоенные как «цельности» [8]. Слово входит в лексикон индивида тогда, когда оно сопряжено с эстетическими и эмоциональными переживаниями. Именно эти переживания помогают открыть смысл слова. Освоение значения слова происходит путем актуализации его внутренней формы, и тогда это слово становится достоянием индивида, средством доступа к другим знаниям. А.А. Залевская [2], развивая идеи И.М. Сеченова, говорит о специфических чувственных корнях значения слова как единицы лексикона, которые являются необходимым условием и средством выхода на индивидуальную картину мира.

Процессы идентификации незнакомого слова могут получить объяснение с помощью синергетического подхода. В данном случае синергизм, присущий процессу опознания нового слова, трактуется как явление слияния энергий и их взаимодействия. По мнению Ю.С. Комаровой, при идентификации незнакомого слова происходит взаимодействие энергии индивида, направленной на опознание слова, и энергии самого слова, свернутой в нем в качестве внутренней формы [4].

Идентификация значения слова предполагает соотнесение языковой информации со схемами знаний, убеждений и представлений человека о мире, которые определенным образом упорядочены для осуществления быстрого доступа к знаниям в процессе восприятия и идентификации. В процессе идентификации происходит осознанное и неосознанное сопоставление с продуктами предшествующего опыта индивида [6].

Если при рецептивных видах деятельности билингв пытается идентифицировать незнакомые слова, то, при продуктивной деятельности он часто занимается словотворчеством, т.е. в процессе коммуникации говорящий не только пользуется готовыми лексическими единицами с уже заданной формой, но и создает всякого рода контаминации, неологизмы с новой внутренней и внешней формой. Т.М.

Кузнецова считает творческие новообразования в речи студентов результатом действия выработанной языковой установки [5]. Установка как феномен психической активности является результатом организации прошлого опыта индивида. Часто ошибки в речи студентов объясняются стремлением образовать слово по аналогии с тем, как это делается в родном языке, пользуясь морфологическим аппаратом английского языка и правилами английского словообразования. Это проблема будет рассмотрена нами в следующей работе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Залевская А.А. Слово в лексиконе человека. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1990. – 206 с.
2. Залевская А.А. Индивидуальное знание: специфика и принципы функционирования: Монография. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 1992. – 134 с.
3. Залевская А.А. Введение в психолингвистику: Учебник. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1999. – 382 с.
4. Комарова Ю.С. Распространение синергетической парадигмы в науках о человеке // Слово и текст: психолингвистический подход: Сб. науч. тр. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2006. – С. 87–94.
5. Кузнецова Т.М. Психолингвистический анализ внутриязыковой контаминации // Психолингвистические исследования в области лексики и фонетики: Сб. науч. тр. – Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1983. – С.65–72.
6. Леонова М.В. Вопросы идентификации полиморфных слов // Психолингвистические исследования слова и текста: Сб. науч. тр. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002. – С.78–82.
7. Летягина Е.С., Солдатов В.В. Восприятие русскими студентами английских слов, содержащих латинские морфемы // Слово и текст в психолингвистическом аспекте: Сб. науч. тр. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 1992. – С.80–88.
8. Медведева И.Л. Опора на внутреннюю форму слова при овладении иностранным языком // Слово и текст в психолингвистическом аспекте. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 1992. – С.73–80.
9. Родионова Т.Г. Модели идентификации неологизмов-глаголов // Слово и текст: Актуальные проблемы психолингвистики: Сб. науч. тр. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 1994. – С. 71–77.
10. Сазонова Т.Ю. Опора на формальные элементы при идентификации нового слова // Слово и текст: Актуальные проблемы психолингвистики: Сб. науч. тр. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 1994. – С.65–70.
11. Тогоева С.И. Психолингвистическое исследование стратегии идентификации значения словесного новообразования: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 1989. – 16 с.
12. Тогоева С.И. Некоторые результаты пилотажного эксперимента на материале русских словесных новообразований // Актуальные проблемы психолингвистики: слово и текст: Сб. науч. тр. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 1996. – С.82–85.
13. Шумова Н.С. Омологизмы и потенциальный словарь билингва // Актуальные проблемы психолингвистики: слово и текст: Сб. науч. тр. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 1996. – С. 75–81.
14. Шумова Н.С. Внутриязыковые и межъязыковые омологизмы в сознании билингва // Психолингвистическое исследование: слово и текст: Сб. науч. тр. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 1999. – С. 111–114.
15. Шумова Н.С. Потенциальный словарь билингва в лингводидактическом аспекте // Психолингвистическое исследование: слово и текст: Сб. науч. тр. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002. – С.124–130.